

Цифровая трансформация современных международных отношений и связанные с ней вызовы: Анализ управленческой дезорганизации и асимметрии власти на платформе X

Научный руководитель – Абылгазиев Игорь Ишеналиевич

Ли шанжу

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет глобальных процессов, Кафедра глобальных социальных процессов и работы с молодежью, Москва, Россия
E-mail: shangruli067@gmail.com

Начиная с 20-х годов XXI века традиционная дипломатия с закрытыми процедурами все чаще дополняется мгновенной цифровой дипломатией. Платформа X (бывший Twitter) благодаря новостному характеру и глобальному охвату стала ключевой ареной «твиттер-дипломатии» для правительств и лидеров стран.[1] Практически все государства-члены ООН имеют официальные аккаунты в X, а крупные державы активно используют платформу для публичной дипломатии.[2] Доклад выдвигает два основных тезиса: во-первых, X демонстрирует состояние «управленческой бессубъектности», порождающее дипломатический хаос; во-вторых, за этой бессубъектностью скрывается «незримый субъект» — американская компания X, создающая системную асимметрию в глобальной дипломатии.

Традиционная система международных отношений опиралась на международное право, дипломатический этикет и многосторонние институты. На X эти правила практически не действуют: здесь нет универсальных процедур дискуссий и принудительной силы, а выверенные формулировки тонут в комментариях и мемах. Это хаотичное состояние, управляемое алгоритмами и эмоциями, искажает дипломатическую коммуникацию через три механизма.

Первый — технические ограничения платформы. Ограничение в 280 символов сжимает сложные политические позиции в лозунги, приводя к утрате контекста и искажению смысла. Второй и главный — алгоритмические рекомендации, действующие как «усилитель хаоса». Алгоритмы нацелены на максимизацию вовлеченности пользователей, поэтому продвигают эмоционально заряженный контент, игнорируя взвешенные дипломатические заявления.[3][4] Они формируют «информационные пузыри» и «эхо-камеры», усугубляя взаимное непонимание.[5] Третий — беспрецедентное распространение дезинформации. Отсутствие независимой проверки фактов позволяет быстро распространять ложь, стирая грань между официальным сигналом и пропагандой и подрывая доверие между государствами.

Ярким примером является дипломатический кризис между Турцией и Израилем в июне 2024 года: высшие дипломатические ведомства напрямую обменялись жесткими критиками на X, обойдя традиционные каналы коммуникации.[6] Алгоритмы подталкивали эти сообщения к соответствующим группам сторонников, усиливая конфронтацию. Аналогичная ситуация наблюдается в индо-пакистанских отношениях, где информационная война по вопросу Кашмира делает восстановление диалога крайне сложным. Таким образом, «управленческая бессубъектность» X в сочетании с корыстной природой алгоритмов создает крайне нестабильную среду для дипломатии.

За кажущейся бессубъектностью скрывается мощный актер — сама платформа X, базирующаяся в США и подпадающая под американскую юрисдикцию. Она не является

нейтральным каналом: ее политика модерации и алгоритмический дизайн несут отпечаток американского правового, политического и культурного контекста, порождая информационную асимметрию.

Корни асимметрии лежат в американском законодательстве. Раздел 230 Закона о благопристойности в коммуникациях и судебная интерпретация Первой поправки освобождают платформы от ответственности за контент пользователей и наделяют их абсолютным правом модерации.[7] Это предоставляет X «наднациональную цифровую юрисдикцию»: окончательный вердикт о допустимости высказываний выносит команда в Сан-Франциско, а не международные институты. Правила модерации, разработанные под влиянием американской культуры, применяются как универсальный стандарт, что приводит к неравенству интерпретаций.

Более того, X не может избежать влияния правительства США, которое использует слушания в Конгрессе, антимонопольные расследования и нормативные акты для давления.[8] Это особенно заметно в отношении стран, рассматриваемых США как «враждебные»: в период специальной военной операции X ввела ограничения на аккаунты российских СМИ, реализуя «цифровые санкции» в соответствии с западной внешней политикой. В то же время официальные аккаунты США и их союзников практически не подвергаются аналогичным санкциям. Правила экспортного контроля США также применяются к X, запрещая доступ к услугам лиц из подсанкционных стран и лишая их возможности участвовать в глобальном диалоге.[9]

Еще одно проявление асимметрии — алгоритмическая предвзятость. Алгоритм X, разработанный американскими инженерами и обученный на преимущественно англоязычных данных, систематически ошибочно оценивает контент из незападных культур и продвигает контент, соответствующий западным нарративам.[10] Эта «мягкая цензура» незаметно формирует глобальное общественное мнение. Дискурсивная борьба между Китаем и США на X наглядно демонстрирует это: заявления китайских аккаунтов часто маркируются как «официальные СМИ» и подвергаются факт-чекингу, тогда как заявления американских аккаунтов не получают аналогичного внимания.

Цифровая трансформация международных отношений сталкивается с двойной дилеммой: «управленческая бессубъектность» X порождает дипломатический хаос, а существование «незримого субъекта» создает системную асимметрию, дающую США и их союзникам преимущество. Международному сообществу предстоит разработать глобальные рамки управления цифровой дипломатией и обеспечить прозрачность алгоритмов. Пока эти задачи не решены, X будет продолжать формировать международный политический ландшафт, оставаясь ареной как возможностей, так и серьезных рисков.

Источники и литература

- 1) Ishchenko, I., Bashkeieva, O. & Zaiets, O. (2025) Cultural Patterns of Political Institutions under Polarization in International Relations. *Evropský politický a právní diskurz*. 12 (2), 29-40. Available from: <https://doi.org/10.46340/eppd.2025.12.2.3>.
- 2) Sakamoto, T., Araki, M., Ito, H. & Matsuoka, T. (2024) How different are offline and online diplomacy? A comparative analysis of public statements and SNS posts by delegates to the United Nations. *Front. Big Data*. 7, 1304806. Available from: <https://doi.org/10.3389/fdata.2024.1304806>.
- 3) Shin, D., Hameleers, M., Park, Y.Y., Jeong, N.K., Triell, D., Diakopolous, N., Helberger, N., Lewis, S.C., Westlund, O. & Baumann, S. (2022). Countering Algorithmic Bias and Disinformation and Effectively Harnessing the Power of AI in Media. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2022, 99 (4), 887-907

- 4) Information Operations and NUST Journal of International Peace & Stability, 2024, Vol. 7(2) Pages 42-52, Social Media: Case Study of Indian Chronicles and Options for Pakistan. njips.nust.edu.pk. DOI: <http://doi.org/10.37540/njips.v7i2.173>
- 5) Guzmán Rincón, A., Barragán Moreno, S., Rodríguez-Canovas, B. et al. Social networks, disinformation and diplomacy: a dynamic model for a current problem. Humanit Soc Sci Commun 10, 505 (2023). <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01998-z>
- 6) Çetinkaya, A., Yegen, C., & Kırık, A. M. (2025). Social Media, Digital Diplomacy and Diplomatic Crisis: The Case of Yisrael Katz's X Shares. Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi, 47, 190-213. <https://doi.org/10.17829/turcom.1601392>
- 7) Barwise, P. y Watkins, L. (2018). The evolution of digital dominance: how and why we got to GAFA. En M. Moore y D. Tambini (Eds.), Digital dominance: The power of Google, Amazon, Facebook, and Apple (pp. 21–49). Oxford University Press. <http://lbsresearch.london.edu/914/>
- 8) Suzor, N. P. (2018, November 23). Lawless: the secret rules that govern our digital lives. <https://doi.org/10.31235/osf.io/ack26>
- 9) Baker, L. (2010) The Unintended Consequences Of U.S. Export Restrictions On Software And Online Services For American Foreign Policy And Human Rights. Harvard Journal of Law & Technology. 23 (2), Spring. Available from: <https://jolt.law.harvard.edu/articles/pdf/v23/23HarvJLTech537.pdf>
- 10) Paul Bouchaud, Pedro Ramaciotti Morales. Recommender system in X inadvertently profiles ideological positions of users. 2026. {hal-05468493}